

Непостоянство водного потока легко укротить силой пара. Шагни технологии чуть дальше, и чертежи водяных станков давно уступили бы место паровым ткацким машинам.

Пройдя сквозь круглый проем лунных ворот, Цзян Умянь жестом велел мастерам опустить поклоны. Сделав несколько шагов, он присел рядом с ними перед наполовину разобранным шелкомотальным станком и без лишних предисловий спросил:

— Как продвигается работа над водяным ткацким станком?

Чжао Чэн заговорил, на ходу упорядочивая мысли. Временами он умолкал, натываясь на неясные детали, и полностью уходил в себя, сиюсь разрешить возникшие сомнения.

— По принципу это схоже с водяным колесом, которое качает воду за счет внешней силы, — объяснял мастер. — Ткачество на воде устроено так же: течение приводит в движение огромный механизм, сберегая и время, и людские силы.

На измененных Чжао Чэном чертежах новый станок мог одновременно вести десятки нитей — гораздо больше, чем обычные прялки. Подобно усовершенствованному плугу для заливных полей, этот механизм позволял выполнять огромный объем работы за раз, кратно увеличивая выработку и не требуя тяжкого труда.

Цзян Умянь мысленно попытался воссоздать устройство водяного станка. В общих чертах конструкция выглядела рабочей, пускай в мелких деталях и оставались расхождения с его собственным представлением.

Когда собеседник умолк, Цзян Умянь негромко произнес, подталкивая его к действию:

— Кое-какие узлы придется переработать. Начинайте чертить прямо сейчас и приступайте к сборке. Попробуйте соединить детали — все изъяны конструкции сами проявятся в процессе работы.

Для мира, откуда Цзян Умянь пришел, создание наброска такого станка было делом пустяковым — подобным древностям место скорее в музеях, нежели в фабричных цехах. Но в Великой Чжоу эта мысль только зарождалась, и даже ее создатель с трудом представлял, как воплотить задумку в дереве и металле. Судья лишь слегка подтолкнул изобретателя, заставив технологию явиться миру раньше положенного срока. Именно поэтому готовое изделие в итоге разительно отличалось от первоначальных набросков.

— Несите шелк, испробуем его в деле, — распорядился уездный судья после недолгого молчания, едва перекрывая шум бурлящей воды.

Они стояли на краю крутого обрыва у водопада. Вокруг летели холодные брызги, а перед ними высилась сложная деревянная машина. Под грохот падающего потока лопасти колеса дрогнули, поймали течение, и водяной станок ожил.

Сила воды превосходила человеческую многократно. Шестерни и рычаги задвигались в ладном ритме, уток и основа начали переплетаться, прямо на глазах превращаясь в ровное полотно. Все происходило при ясном свете дня, и свидетели чуда не могли оторвать глаз от работающего механизма. Чжао Чэн взволнованно следил за ходом деталей, мысленно отсчитывая время. Когда шелковая нить закончилась, он ошеломленно выдохнул:

— Господин судья, работа идет почти в двадцать раз быстрее обычного!

Цзян Умянь лишь приподнял бровь. На самом деле водяной станок мог выдавать скорость и в сорок раз выше, а нынешний скромный результат свидетельствовал лишь об изъянах в механизмах, которые еще предстояло упростить. Впрочем, даже такой производительности хватало с избытком для его замыслов.

Строительные артели уже завершили основные работы в уезде Шаоюань. Расширение бумажной мануфактуры и возведение шелкомотальных цехов шло полным ходом — вскоре их должны были запустить. Семьям, которые еще не успели размотать коконы вручную, разрешалось записаться в уездной управе, чтобы воспользоваться общественными станками. К следующему году чиновники планировали наладить централизованную закупку коконов у населения для нужд казенной шелкомотальни. В этом сезоне запустить ее в полную силу уже не успевали, зато ткацкая мастерская была готова начать работу хоть завтра.

Окружившие Чжао Чэна мастера наперебой расспрашивали его, как удалось добиться двадцатикратного ускорения, во сколько обойдется постройка такого чуда и можно ли распространить эти машины по всему уезду.

— Ускорение в двадцать раз означает, что и готовой ткани у нас станет в двадцать раз больше, — раздался ровный голос Цзян Умяня. — Соответственно, цена на нее резко упадет. Если мы начнем сбывать полотно проходящим караванам в огромных объемах и объявим, что при крупном опте стоимость будет еще ниже...

Договорить он не успел. Советник Цзян Цю, прекрасно разбиравшийся в счетном деле, переменился в лице от испуга не меньше, чем до этого Чжао Чэн:

— Господин судья! Но ведь в уезде почти три четверти семей кормятся ткачеством!

Водяной станок силой природы ткал безупречно и невероятно быстро. Если наводнить рынок дешевым и качественным казенным товаром, ни один купец больше не посмотрит на грубую домотканину местных ремесленников.

Цзян Умянь кивнул на шумящий механизм. Лицо его оставалось бесстрастным, а голос — ровным и холодным:

— На новых шелкопрядильных и ткацких мануфактурах уезду потребуется огромное множество рабочих рук. И платить там будут больше, чем скупщики за домашнюю пряжу. Советник Линь на днях докладывал, что большая часть наших людей уже пристроилась на мануфактуры. Многие перевелись из поденщиков в постоянный штат. На заработанное серебро они покупают плуги для заливных полей и удобрения, переходят к тщательному возделыванию земель в

надежде на богатый урожай. Так что не стоит тревожиться раньше времени. Прежде чем домашние ремесла придут в упадок, хозяйство уезда успеет перестроиться. Когда мы закончим строительство пристани и снарядим заморские купеческие караваны, товар пойдет напрямик на внешний рынок. И при ценах Шаоюаня плакать горькими слезами придется ткачам в других провинциях, а вовсе не нашим.

Окружающие притихли. Шумные споры утихли, уступив место тяжелому молчанию — дураков здесь не было, и каждый отчетливо понял, к чему клонит уездный судья.

Первые признаки этих перемен наметились еще до открытия новых мануфактур. Но прежде Шаоюань был настолько беден, что любые новшества казались чистым благом, несущим достаток. Теперь же, когда производство разрасталось до невиданных масштабов, машинный труд грозил обрушить вековой уклад торговли во всей империи. От подобных перспектив невольно бросало в дрожь.

Дела уезда двигались в полном согласии с замыслами Цзян Умяня. Вскоре новые шелкомотальни и ткацкие цеха распахнули свои двери. Каждый чиновник из уездной управы считал своим долгом лично побывать там и осмотреть новые порядки.

После того как судья приоткрыл завесу будущего у горного потока, все причастные замерли в томительном ожидании. Кто с тревогой, кто с надеждой, а кто и с тайным недоверием ждал окончания стройки, гадая, когда же сбудутся предсказания их господина.

Ткацкую мануфактуру решили заложить в низовьях реки Байюэ — именно там крутое русло обеспечивало достаточный напор воды для бесперебойной работы целого ряда тяжелых колес.

Дорогу к мануфактуре укатали и залили прочным бетоном, а рядом возвели просторные площадки из красного кирпича, где рабочие могли без помех разгружать тюки с шелковым сырьем и складывать готовое полотно.

Грузовые повозки сновали туда и обратно строго по часам: они забирали свежую ткань, отвозили ее на городские склады и выгружали новые партии пряжи. Из уездного центра тюки расходились по купеческим караванам, отправляясь во все концы Великой Чжоу.

Павильон Пьяной Зари

В уезде Шаоюань не нашлось бы ни одного заезжего купца, который миновал бы ворота Павильона Пьяной Зари. Здесь подавали самые свежие овощи и редкие, диковинные кушанья, отчего столичные лакомки готовы были просиживать тут часами, потеснив даже вечно спешащих по делам торговых гостей.

Управляющий Лу Юй привычно щелкал костяшками счётов за трактирной стойкой, вполоборота прислушиваясь к разговору за угловым столом. Гости оживленно обсуждали шелк и пеньку, которые уездная управа на днях выбросила на рынок.

Заводилой в этой компании выступал старый знакомый — лавочник Ху. Остальные сидевшие с ним за столом тоже оказались людьми приметными — предводителями караванов, издавна водившими дружбу с семейством Ху.

Дорожная пыль еще не сошла с лица проводника Жэня, прибывшего в город лишь накануне. Подавшись вперед, он негромко проговорил:

— Уважаемый Ху, слыхали последние вести? Здешний шелк да холст отдают дешевле обычного вот на столько! — Он многозначительно выставил три пальца и покачал ими перед лицами собеседников.

Лавочник Ху лишь невесело усмехнулся:

— Да уж не просто слышал — своими глазами видел. — Он кивнул на колонны павильона и трактирную стойку, сплошь оклеенные плотной бумагой с водяными знаками из уездных мастерских. Черная тушь на белых листах извещала о ценах предельно ясно.

Сидевший напротив проводник Ло вымученно улыбнулся. Его вечно сонные глаза приоткрылись, а в голосе послышалась неподдельная тревога:

— И что на этот раз затеял наш почтенный судья Цзян?

Проводник Ло шелком не промышлял — он кормился торговлей бумагой, возил ее из префектуры Цинчжоу на продажу в префектуру Нанькан. На здешних землях бумажных мануфактур отродясь не хватало, а за последние два года местное производство и вовсе сошло на нет. Имея связи и собственные мастерские в Цинчжоу, он быстро подсуетился и сделался самым крупным бумажным купцом в Нанькане.

Сами префектурные власти и уездные управы закупали товар только у него. Но в нынешнем году доходы не то чтобы рухнули, но сократились ровно наполовину — и все из-за того, что в дело вмешался шаоюаньский судья. Местная бумага, мало того что превосходила привозную качеством, так еще и стоила сушие гроши. Какая уж тут выгода для чужого каравана?

К счастью, купец вовремя сообразил, куда дует ветер, и вместо привоза чужой бумаги принялся скупать местную бумагу с водяными знаками, чтобы везти ее обратно в Цинчжоу. Это и спасло его от полного разорения.

Лавочник Ху и проводник Жэнь согласно вздохнули. Пример Ло стоял у них перед глазами, заставляя держать ухо востро.

Семейство Ху кормилось перепродажей благовоний и пряностей, и кто знает, не вздумается ли

господину судье прибрать к рукам и эту торговлю? Ху и прежде ловил каждое слово чиновника, а теперь и вовсе не спускал глаз с уезда.

Впрочем, для проводника Жэня, чьи люди закупали шелк-сырец и готовые ткани для перепродажи на юго-западе империи, неожиданная дешевизна сулила невиданную прибыль.

"Скидка в тридцать сотых — это же просто подарок небес! — размышлял Жэнь. — Но неужто уезду выгодно продавать товар за бесценок? Если прибыли нет, то ради чего они так роняют цену? Или этот шелк — лишь приманка перед какой-то новой уловкой?"

Он никак не мог взять в толк умысел властей, а потому и позвал за стол приятеля Ху и уже битого судьей Ло, надеясь вместе докопаться до сути. Лавочник Ху жил бок о бок с уездной управой и все новости узнавал первым. Он осторожно огляделся по сторонам и, убедившись, что до их стола никому нет дела, тихо произнес:

— Слыхал я, будто судья Цзян запустил новую ткацкую мануфактуру.

При слове «мануфактура» проводник Ло поморщился, словно от зубной боли, и зашептал Жэню:

— Стоило судье открыть мастерскую Двух Селений, как моё дело едва не пошло прахом. Теперь плетусь в хвосте у чужих караванов, подбирая объедки. Тамошние заказы расписаны на год вперед, до самой следующей осени! — Он сокрушенно покачал головой, проклиная собственную нерешительность.

Проводник Жэнь лишь молча слушал эти стенания. Пускай Ло и приbedнялся, дела его на самом деле шли в гору. Он угадал с нехваткой бумаги в Нанькане прошлый раз, а теперь превосходно нажился, скупив по дешевке пробную партию листов с водяными знаками и сбыв ее в Цинчжоу по тройной цене.

Жалел Ло лишь о том, что поосторожничал и не взял больше товара. Набери он полную повозку — выручил бы втрое против прежнего! И теперь история с бумагой повторялась один в один, только уже с шелком. Тот, кто решится рискнуть сейчас и вложит все серебро в шаоюаньскую ткань, сорвет невиданный куш.

Решение созрело быстро. Едва застолье подошло к концу и гости разошлись, проводник Жэнь вернулся к стойке, за которой скучал управляющий Лу Юй.

— Уважаемый Лу, где находится эта новая ткацкая мануфактура? — Жэнь указал на приклеенное к дереву объявление, мелкие иероглифы на котором отсылали всех любопытствующих напрямик к хозяину заведения.

Жэнь не привык верить на слово, пускай скидка и кружила голову. Прежде чем выложить серебро, он желал лично пощупать товар. Если здешний шелк окажется столь же хорош, как и знаменитая бумага с водяными знаками, он скупит все до последнего рулона. Прибыль от

такой сделки перекроет все его доходы за последние несколько лет.

Лу Юй ответил без запинки, словно ждал этого вопроса весь день:

— Чужаков на саму мануфактуру не пускают, таков указ уездного судьи. Но вы можете осмотреть готовые рулоны на пригородном складе. Там же договоритесь и о цене, и о количестве. Выезжайте через новые ворота, держитесь прямой дороги. На первом же распутье сворачивайте направо, там у обочины приметный указатель стоит. От него пройдете еще с версту — и упретесь прямо в казенные амбары.

Поспешный уход проводника Жэня не оставил сомнений — купец торопился обернуться до того, как стража затворит городские ворота на ночь. Лу Юй не успел даже поднести чашку к губам, как к стойке подскочил следующий гость, тяжело дыша и едва переводя дух:

— Скидка... в тридцать сотых... где получить?!

Наплыв покупателей иссяк лишь тогда, когда над городом прозвучал глухой удар колокола, возвещающий о закрытии ворот. Язык Лу Юя за день просох дочерна. Устало опустившись на табурет, он налил себе крепкого чаю и с наслаждением сделал первый глоток.

Но на полированное дерево стойки вновь упала длинная тень. Не поднимая головы, управляющий утомленно пробормотал:

— Сама мануфактура закрыта для посещений. Посмотреть образцы шелка и договориться о покупке можно на складе за чертой города...

— Не щадишь ты себя, управляющий Лу. Я пришел не за шелком.

Лу Юй вскинулся и торопливо выпрямился:

— Господин судья?!

Цзян Умянь приветственно наклонил голову и негромко спросил:

— Ну расскажи, много ли купцов сегодня расспрашивали о новой ткани?

<http://bllate.org/book/19045/2005030>